

Пётр Рябов: Первое в России фундаментальное и честное исследование о российском анархизме

Peter Ryabov (Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, Russia): The first fundamental and honest study in Russia about the Russian Anarchism

DOI: 10.31857/S2949124X2306010X, EDN: NSMUBB

На протяжении последних 35 лет история российского анархического движения исследуется довольно активно. Историки плодотворно продолжают лучшие традиции своих предшественников. Вместе с тем давно назрела потребность в обобщающей монументальной работе. Д. И. Рублёв сумел создать такой труд — панораму анархического движения в России 1900—1950-х гг., в которой традиционные темы занимают лишь сравнительно скромное место.

Автор справедливо отмечает, что ранее в нашей стране существовали либо претендующие на всеохватность, но при этом явно схематичные и идеологически тенденциозные «разоблачительные» книги по истории российского анархизма (например, труды В. В. Комина и С. Н. Канева, призванные показать неизбежный имманентный «крах анархизма» перед лицом победоносного ленинизма), либо работы более объективные, но при этом достаточно фрагментарные (книги В. В. Кривенького, П. И. Талерова, В. Д. Ермакова), либо, нако-

нец, серьёзные и качественные исследования по отдельным вопросам. Рублёв же сумел создать фундаментальную монографию — сочувственную, но в то же время стремящуюся к объективности, в которой российское анархическое движение показано многомерно, подробно, в своей динамике, противоречиях, многоголосой дискуссионности различных течений и личностей, разнообразии социальных идей и практик.

Этому труду предшествовали многолетние более узкие и специальные исследования автора: его диссертационная работа, посвящённая отражению проблемы «интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX в., многочисленные словарные статьи о ключевых персоналиях российского анархизма, изыскания на тему его связей с литературой первой трети XX в., материалы (включая интервью) об анархистских командирах времён Гражданской войны в Советской России и об участии российских либертариев в Испанской революции, анархистских тенденциях в диссидентском движении, основательная книга о МФАГ в 1917–1918 гг. и отрядах Чёрной гвардии. В данной работе он нередко скрупулёзно сводит воедино, систематизирует и анализирует колоссальный фактический материал (персональный, региональный), собранный десятками предшествующих исследователей, но также вступает и на «целину» исследовательской проблематики. Например, он подробно рассматривает удивительную и трагическую биографию А.Н. Андреева — организатора анархической группы «Свобода внутри нас», создателя неонигилистического течения в анархизме, мужественно пережившего сталинские застенки и в какой-то мере продолжавшего в одиночку анархическую рефлексию ситуации в СССР в период оттепели. Глава же об анархистах-диссидентах — первая систематическая попытка дать описание либертарных активистов в СССР в 1950–1970-х гг.

Исследование удачно сочетает изложение фактов с анализом и обобщениями, герменевтическую зоркость вовлечённости — с критичностью отстранённого взгляда, описание динамики и социального портрета анархического движения — с биографиями его ключевых фигур. Подробно охарактеризованы этапы развития и гибели анархизма в России с начала до середины XX в. Повествование дополнено краткими экскурсами в историю анархической эмиграции, сведениями об участии анархистов в диссидентском движении. Важна первая глава книги — о предшественниках и истоках либертариев России XX в., хотя история российского анархизма в XIX в. (штирнерианцев, прудонистов, «южных бунтарей», «землевольтцев» и «чёрнопередельцев») и место анархизма в народничестве обозначены лишь декларативно. Наиболее беглая и схематичная — последняя глава, посвящённая современному анархическому движению, начиная с перестройки. Здесь кратко намечены основные событийные вехи и даны весьма дискуссионные авторские оценки. Впрочем, по справедливому замечанию Рублёва, эта тема заслуживает отдельного монографического исследования и относится к ведению не только историков, но и публицистов, мемуаристов, а также социологов и философов.

Каждую главу предваряют и украшают эпиграфы: поэтические строки анархистов или отрывки из их воззваний. Текст не перегружен цитированием, почти за каждым приводимым тезисом или описываемым событием стоят ссылки на источники, указанные в обширных примечаниях. При этом многие документы — листовки, воспоминания, письма, публицистика, либертарный самиздат — вводятся в научный оборот впервые. Большое место занимает ана-

лиз дискуссий внутри движения (по вопросам стратегии и тактики, террора, экспроприаций, форм организации, «переходного периода», синдикализма, отношения к Первой мировой войне, большевистскому режиму и «платформизму»). Рублёв уделяет должное внимание характеристике социального состава участников, исследованию его динамики. Он прослеживает эволюцию различных течений и организаций, выявляет разногласия и общие тенденции в среде анархистов. Колоссальный материал удачно дополняется обобщениями и размышлениями.

Автор убедительно раскрыл региональную специфику развития анархического движения, весьма неравномерно действовавшего на просторах Российской империи, а затем в СССР. Были регионы, где анархисты устойчиво имели довольно значительную поддержку, оказывали заметное (хотя редко решающее) влияние на общественную жизнь, а их группы включали в себя многие десятки и даже сотни человек. Так обстояло дело в некоторых частях Сибири, Алтая и Урала, на Дону, в Польше, Кронштадте, Белостоке, Екатеринославе, Одессе, Черемхове, Брянске, Гомеле, Тверской губ., отчасти в Тифлисе и Баку. В других частях страны анархисты себя практически не проявляли (характерно, что в книге почти ничего не говорится о немногочисленном и слабом, едва представленном отдельными группами и лицами, анархическом движении в Средней Азии, Финляндии, на Дальнем Востоке или в Бессарабии).

Разумеется, значительное место уделено двум важнейшим направлениям деятельности анархистов. Во-первых, внешней («официальной») стороне движения (съезды, резолюции, заявления, течения, расколы, идейная полемика, отношение к политическим партиям и власти, программные документы). Во-вторых, практическим действиям героев его книги. Рублёв анализирует их издательскую и просветительскую работу, участие в Советах, кооперации, профсоюзах, фабзавкомах, повстанчестве, активность в мировом анархическом движении. Немало места отведено в книге раскрытию таких сюжетов, как роль анархистов в организации террористических актов и экспроприаций, участие членов их групп в восстаниях, стачках и баррикадных боях, а также немногочисленные попытки проведения социальных преобразований на подконтрольных анархистам территориях (Гуляй-Поле, Черемхово, Тверская губ.). При этом показаны судьбы и столкновения незаурядных личностей (включая таких неоднозначных и колоритных персонажей, как Мария Никифорова или Мишка Япончик), взаимоотношения рядовых участников и лидеров. Раскрывается мотивация их действий: в одних случаях это разочарование и отход от товарищей, в других — сохранение верности своим идеалам вопреки внешним обстоятельствам.

Вполне очевидное сочувствие автора ко многим «действующим лицам» книги, позволяя лучше понять их и предоставить им «право голоса» в современном мире, вместе с тем, как правило, не становится поводом для замалчивания их ошибок, внутренних конфликтов, мелочных дразг, негативных сторон их деятельности и не ведёт к слепому возвеличиванию. Так, без прикрас, ярко и откровенно показана буквально самоубийственная и бесчеловечная практика «безмотивного террора» части «чернознамёнцев», кидавших бомбы в «буржуазные» кафе. Столь же непредвзято характеризуются интриги, политиканство и нечистоплотные манёвры главного «советского анархиста» А. Карелина, стремившегося к сговору с большевиками и личному доминированию в движении. Критически анализируется массовое ренегатство большинства вождей

анархистов (Аршинова, Гроссман-Рощина, Сандомирского, Шатова, Ярчука), по разным причинам (от идейных до карьерно-прагматических) перешедших в лагерь победителей, своих идейных оппонентов. Некогда прикрывшие революционной полуанархической риторикой тотальную этатистскую контрреволюцию, осуществлённую большевистской диктатурой, они порой достигали заметных постов, однако позднее многим не удалось избежать репрессий.

Не обходит вниманием Рублёв и столь щекотливую для либертарного движения тему, как смешение анархического движения времён Великой российской революции с уголовными элементами. Напротив, он весьма тщательно, предметно и подробно рассматривает этот сюжет, деконструируя при этом господствующие до сих пор стереотипные представления о преобладании в анархо-среде уголовников. Подробно описав разгром анархистов большевиками в Москве и других городах в апреле 1918 г. (когда под предлогом «доминирования уголовников» ленинисты закрыли анархические клубы и издания, разоружили черногвардейские отряды и расправились со многими активистами) и разобрав причины, характер и смысл этих репрессий, ставших роковыми в судьбе движения, автор сделал вполне обоснованный вывод: «Таким образом, анархисты были подвергнуты социальной стигматизации и криминализированы в глазах широких слоёв населения» (с. 321).

Анархическое движение России в изображении Рублёва отнюдь не выглядит безлико-монолитным. В первых главах книги в текст повествования органично вплетены портреты ключевых деятелей либертарного движения — мыслителей, публицистов и наиболее выдающихся практиков. Эта галерея включает портреты Ф. Косого, Л. Мечникова, Н. Ножина, Н. Соколова, М. Бакунина, Л. Толстого, П. Кропоткина (центрального и наиболее любимого героя книги — не случайно именно его портрет украшает обложку, а к его судьбе автор обращается неоднократно и всегда с глубоким восхищением), Я.-В. Махайского¹², В. Черкезова, А. Атабекяна, Г. Гогелиа, М. Гольдсмит, Л. Фишелева (М. Раевского), И. Книжника (Ветрова), Д. Новомирского, А. Карелина, В. Поссе, С. Романова, И. Гроссмана, А. Борового, И. Гейцмана, П. Турчанинова (Л. Чёрного). Биографические вкрапления весьма уместно дополняют основное содержание книги, позволяя увидеть многообразие личностей, а не анонимные безликие «идеи» и «течения». Но, к сожалению, этот ряд биографий по неясным причинам обрывается в середине монографии — в том смысле, что они часто доведены лишь до конца Первой российской революции, а что касается новых поколений анархистов, начиная с 1914 г., то они вообще не представлены (за редкими, но важными исключениями — М. Никифоровой и А. Андреева). На мой взгляд, приведённый выше перечень знаковых имён было бы неплохо дополнить и некоторыми другими видными деятелями российского анархизма, которые часто упоминаются, но не удостоились самостоятельных «портретных зарисовок». Это — В. Зайцев, С. Бардина, З. Ралли, В. Волин, Ю. Жук, Н. Каландаришвили, А. Гордин и Г. Максимов.

Центральное место (280 страниц, т.е. почти половину книги) занимает невероятно бурный и насыщенный событиями период Великой российской революции 1917–1921 гг., когда анархическое движение пережило корот-

¹² Безоговорочное причисление Махайского и его последователей к анархическим мыслителям сомнительно, учитывая его отрицательное отношение к анархизму.

кий расцвет, за которым последовал разгром. Рублёв подробно, обстоятельно и честно, с множеством ценных примеров, исследует внутреннюю динамику анархического движения, его рост (отстававший от подъёма стихийного анархизма масс), причины поражений, неудачные попытки объединения, различия между «советскими анархистами», пошедшими на сделку с большевиками как «меньшим злом», и «анархистами подполья», которые бескомпромиссно вели войну с белой и красной контрреволюцией.

Убедительно показано, что в период массовых подъёмов народного социального движения (самоорганизующегося через фабзавкомы, кооперативы, Советы, повстанческие отряды, домовые комитеты и не доверяющего ни любым формам этатизма, ни буржуазным ценностям и институтам) анархисты, не поспевавшие за водоворотом событий, одновременно получали широкую поддержку и шансы на переход к практическому осуществлению своих идеалов. Однако при этом они почти всегда были вынуждены идти на значительные компромиссы, выбирая «меньшее зло», предлагая на практике осуждаемую ими же в теории «программу-минимум переходного периода». При этом, конечно, для заигравшихся в «реальную политику» активистов с нетвёрдыми убеждениями всегда возникал существенный риск предать анархические идеалы, например, растворившись в большевистском режиме. Мне представляется, что было бы полезным дополнить рассказ об анархическом движении (в узком смысле слова) в эти революционные годы рассмотрением и анализом стихийного анархизма массовых движений. Не случайно многие историки называют эту революцию «революцией самоуправления»: с актами прямого действия (включая захват фабрик и заводов или уход частей с фронта), развитием всех форм самоорганизации, всеобщим явочным вооружением народа и игнорированием широкими массами как идей реставрации самодержавия, так и представительной демократии и институтов частной собственности. Это вполне гармонировало с идеалами анархизма, но в то же время сочеталось с элементами вождизма, патриархализма и локализма, позволившими большевикам задушить народную анархическую революцию.

При всех очевидных и бесспорных достоинствах рассматриваемой книги, разумеется, можно указать на дискуссионность некоторых её идей, а также выразить автору ряд пожеланий. Для воссоздания максимально цельной картины изучаемого явления и связанных с ним событий было бы желательно уделить больше внимания разнообразным факторам влияния российского анархизма на культуру (литературу, живопись, научную, религиозную и философскую мысль), а также философским концепциям отечественных анархистов. Всесторонний анализ их связей, в том числе в контексте общения с зарубежными соратниками на международных анархических конгрессах, поможет более отчётливо прояснить место российского анархизма в мировом движении. Уместен был бы, например, рассказ о русских анархистах — участниках Парижской коммуны и итальянских восстаний 1870-х гг. Новые грани темы можно высветить, используя сравнительно-исторический метод. Так, интересно было бы сопоставить «безмотивный террор» в России с западной «равашолевщиной». Или, например, «безначальцев» — с французскими анархо-индивидуалистами начала XX в. Ещё один перспективный ракурс исследования — проведение исторических параллелей между российскими анархическими дискуссиями (о синдикализме, а также оборончестве и интернационализме в период Первой мировой войны) и соответствующими зарубежными полемиками.

В книге многие эпизоды истории российского анархизма (например, борьба вокруг дачи Дурново в Петрограде, занятой анархистами, летом 1917 г., или разоружение чекистами отрядов Чёрной гвардии в Москве 12 апреля 1918 г.) описаны и проанализированы весьма подробно и основательно, тогда как другие, также значительные и существенные, в лучшем случае едва упомянуты. Это, к примеру, участие анархистов в разгоне Учредительного собрания; их отношение к Брестскому миру; упорное и принципиальное противодействие растворению большевиками движения фабзавкомов в огосударствлённых профессиональных союзах в начале 1918 г.; организация и проведение траурного шествия во время похорон Кропоткина в феврале 1921 г. (тогда в последний раз под чёрными знамёнами легально собрались тысячи людей), а также учреждение Всероссийского комитета по увековечиванию его памяти и успешная борьба за освобождение (на один день) из Бутырской тюрьмы группы анархистов для прощания с их идейным вождём; активное участие в работе Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и в знаменитой Вольной философской ассоциации; деятельность толстовских обществ и коммун, просуществовавших до 1930-х гг.

Хотя большинство выводов Рублёва весьма основательно и убедительно аргументированы, некоторые из них всё же вызывают сомнение. Так, говоря о взглядах Кропоткина в 1917–1918 гг., автор утверждает: «Хотя политическая позиция Кропоткина в этот период его жизни и творчества отличалась умеренностью, но не может рассматриваться как разрыв с анархизмом. Прежде всего, он не только не рассматривал анархо-коммунистическую модель как недостижимую, но не высказывался даже в пользу “переходного периода” к анархо-коммунистическому обществу». Далее же, прямо противореча себе, он констатирует, что Кропоткин, «осознавая невозможность немедленной реализации анархо-коммунистической программы... сосредоточился на поддержке прогрессивных реформ, которые создали бы условия для строительства безвластного общества» (с. 211–212). Что это, если не фактическое признание «переходного периода» и реформ? Интересно, что желательность анархического коммунизма «когда-нибудь», предваряя его «диктатурой пролетариата», признавали и марксисты; но не только их, но и антиэтатистов — славянофилов, Герцена или даже толстовцев Рублёв не согласен считать анархистами.

Далее фиксируется кропоткинское предложение на Государственном совещании в августе 1917 г. провозгласить Россию «демократической федеративной республикой с парламентом для каждого “штата”». Несомненно, это требование отнюдь не анархическое, а радикально-демократическое, но вполне государственническое и «переходное». Наконец, такие известные факты, как последовательное оборончество Кропоткина, его полуизоляция от анархического движения в те годы и тесное сотрудничество с правыми социалистами (в рамках Лиги федералистов и не только) вряд ли позволяют считать обоснованными утверждения, что и в последние годы жизни он в полной мере оставался коммунистическим анархистом. Разделяя прежнюю систему ценностей и стратегическую перспективу либертарного социализма, как и многие полуанархические авторы, вроде Герцена или Фурье, на практике Пётр Алексеевич от них отошёл (если, конечно, исходить из тех довольно жёстких критериев анархизма, которые заданы и неоднократно проговариваются автором книги).

Впрочем, мне представляется, что Рублёв несколько искусственно зауживает понятие об анархизме, фактически отождествляя его с анархо-коммунизмом

и при этом рассматривая лишь как социально-политическую программу, но не как систему ценностей, мировоззрение или тип политического сознания. Это заставляет его сомневаться в принадлежности к анархизму Л.Н. Толстого и толстовцев¹³ или новейших российских либертарианцев 1990–2000-х гг. При этом Рублёв относит к анархическому движению, например, махаевцев. Такой подход, мягко говоря, дискусионен. Однако любая попытка «точно определить анархизм», предложив однозначные и строгие критерии этого многомерного явления, вот уже 200 лет неизбежно заканчивается неудачей¹⁴.

Феномен анархизма можно рассматривать и осмысливать, во-первых, как личное мировоззрение, систему ценностей и координат; во-вторых, как ряд философских и этических учений; в-третьих, как социальную и (анти)политическую программу и связанную с ней «утопию» (в смысле альтернативы данному состоянию общества); в-четвёртых, как социокультурное движение, субкультуру, совокупность организаций и активистов. В книге Рублёва трактовка анархизма ограничивается почти исключительно третьим и четвёртым из названных ракурсов, что и обусловило многие оценки и акценты.

Что же касается не тематических, а хронологических границ исследования, то исходный тезис автора об обособленности и гомогенности российского анархизма первой трети XX в. в отношении к его предшественникам и последователям в целом верен, но нуждается в некоторых существенных дополнениях, смягчениях и уточнениях. Анархическому движению в России в высшей степени присуща «волнообразность» ритмических колебаний: будучи неразрывно связанным с общественными настроениями, оно набирает силу и обновляется в моменты революционных подъёмов и, напротив, спадает, замирает или вообще исчезает в долгие периоды реакции и общественного упадка. В истории российского анархизма можно выделить четыре волны. Первая, тесно связанная с народничеством, эпохой реформ и их сворачиванием, приходится на 1850–1870-е гг. Вторая совпадает со взлётом Первой революции (1903–1907 гг.). Третья, наиболее масштабная, связана с революцией 1917–1921 гг. Наконец, четвёртая – возрождение анархизма в СССР и его развитие в постсоветском мире – инициирована эпохой перемен 1987–1991 гг. И если вторую и третью волны анархического движения разделял всего десяток лет (к тому же они были тесно связаны генетически, организационно и даже персонально), то вторую от первой отделяли уже два десятилетия, и они, будучи идейно родственны и преемственны через несколько фигур ветеранов – Кропоткина, Черкезова, Гольдсмит, Атабеяна, – вместе с тем существенно отличались друг от друга. Дистанция же в 60 лет между третьей и четвёртой волнами означает разрыв преемственности и практически полное обновление анархической традиции в СССР на исходе XX в.

Книга Рублёва посвящена почти исключительно второй и третьей волнам либертарного движения. Анархизм XIX в. (от прудонистов-шестидесятников до бакунистов-семидесятников), а также современный анархизм в странах СНГ нуждаются ещё в двух отдельных томах монографических исследований, которые могли бы органично дополнить рассматриваемый труд. Следовательно, сосредоточение внимания автора именно на анархизме первой половины XX в.

¹³ Тогда как крупнейшая современная исследовательница толстовского движения уверенно констатирует его «анархичность»: *Гордеева И.А.* «Толстовцы» как анархисты // Прямухинские чтения – 2015: Анархизм – учение радости! Прямухино, 2016. С. 145–166.

¹⁴ См.: *Кинна Р.* Никакой власти: теория и практика анархизма. М., 2022. С. 17–20.

оправданно. При этом всё-таки досадно, что об анархистах, преобладавших в народническом движении вплоть до появления «Народной воли», в книге сказано совсем немного (с. 39). Некоторые возражения вызывает также чрезмерное отделение автором второй и третьей волны от первой и четвёртой¹⁵ и представление об отечественном анархизме начала XX в. как некоем самодостаточном «эталоне» анархического движения. При этом недооценены разнообразие и взаимосвязь «анархизмов», а также значимость первой и четвёртой волн.

Тем не менее качественно новые результаты труда Рублёва представляются исключительно значимыми и ценными, поскольку создают мощный фундамент для дальнейших исследований анархизма в нашей стране.

¹⁵ Рублёв даже называет временем «появления первых организаций анархистов на территории Российской империи» лишь 1901–1902 гг. (с. 64), рассматривая, очевидно (и неправомерно!), предшествующие многочисленные и влиятельные анархические народнические группы, кружки и организации всего лишь в качестве предтеч и предистории «настоящих» анархистов.